
СИМКО К. ОБОЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ В МЕМОРИАЛАХ И МУЗЕЯХ ТЕРРОРА : ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА. Реф. ст. : SIMKO Ch. Marking time in memorials and museums of terror : temporality and cultural trauma // Sociological theory. – 2020. – Vol. 38, N 1. – P. 51–77.

Ключевые слова: память; культурная травма; темпоральность; терроризм.

Для цитирования: Даутова Т.Е. Реф. ст. : Симко К. Обозначение времени в мемориалах и музеях террора : темпоральность и культурная травма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2022. – № 1. – С. 121–128. Реф. ст. : Simko C. Marking time in memorials and museums of terror : temporality and cultural trauma // Sociological theory. – 2020. – Vol. 38, N 1. – P. 51–77.

Кристина Симко (Колледж Уильямса, г. Уильямстаун, США) предлагает рассмотреть культурную травму через призму темпоральности. Автор указывает на недостаточность теории культурной травмы, объясняющей травматичность событий их угрозой коллективной идентичности. Она отмечает, что есть работы, фиксирующие значительные расхождения в последствиях травматического процесса. Так, «пока одни травмы становятся основой для морального универсализма¹, делая возможными связи между внутригрупповым и внешнегрупповыми переживаниями», другие рассматриваются как несопоставимые², «ведут к партикуляризму и

¹ Alexander J.C. Trauma : a social theory. – Malden (MA) : Polity, 2012; Cultural trauma and collective identity / ed. by J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser, P. Sztompka. – Berkeley (CA) : Univ. of California press, 2004.

² Sitas A. Unassimilable otherness : the reworking of traumas by refugees in contemporary South Africa // Narrating trauma : on the impact of collective suffering / ed. by R. Eyerman, J.C. Alexander, E.B. Breese. – New York : Routledge. – 2011. – P. 267–291.

закрытости» (с. 51). Обращаясь к междисциплинарной литературе по теме травмы, Симко предлагает дополнить социологический анализ травмы рассмотрением того, «как носители травмы обозначают время – изображают связь между прошлым, настоящим и будущим»¹ (с. 52), применив таким образом призму темпоральности. Она предлагает различать отыгрывание (*acting out*, «переживание прошлого события как происходящего сейчас») и проработку (*working through*, «расположение болезненного события в историческом контексте») (с. 51). Также автор рассуждает о темпоральности в долгосрочной перспективе, рассматривая, «как различные способы обозначения времени в травматическом процессе определяют коллективное отношение как к прошлому, так и к будущему» (с. 52). Симко описывает эти особенности с помощью анализа трех мест памяти в США, связанных с коммеморацией жертв терроризма.

Рассматривая концептуализацию культурной травмы, Симко указывает на метафоричность термина: социологическое понимание культурной травмы отсылает к психологическому, психологическое – к патологическому. Социологи переносят метафору травмы на коллективный уровень, делая акцент на коллективной идентичности и онтологическом различии между индивидуальным и коллективным. Последнее особенно заметно в конструктивистском подходе, в рамках которого нечто считается культурной травмой тогда, когда оно интерпретируется как культурная травма, как «повреждение коллективной идентичности»². Джеффри Александер, предлагая такой взгляд, критикует существующие подходы, по его словам, натуралистические (в частности, психоанализ), за описание травмы как уже заложенной в самом событии.

Симко не отрицает недостатки психоанализа, однако предлагает воспользоваться его идеями о травме, «перенеся их на коллективный уровень», при анализе «образцов, которые рефлексивно мобилизуются коллективными акторами для интерпретации страдания, управления его последствиями и его репрезентации в коллективной памяти» (с. 55). Она обращается к темпоральности – важной идее психоанализа в отношении травмы, так как травма

¹ *Zerubavel E. Time maps : collective memory and the social shape of the past. – Chicago (IL) : Univ. of Chicago press, 2003.*

² *Cultural trauma and collective identity. Op. cit.*

предполагает некий временной разрыв: событие прошлого актуализируется вновь и вновь в настоящем. Симко предлагает адаптацию темпоральности для понимания культурной травмы в социологии. Так, уже на ранних этапах формирования социологического подхода к изучению травмы интересна работа Кая Эриксона¹, показавшего, как тяжелое событие воздействует на сообщество «отдельно от психики»². Эта же работа обращает внимание на роль темпоральности: для пострадавшей группы «время остановилось»³ (цит. по: с. 54), и «ощущение захваченности прошлым привело к потере чувства общности» (с. 54). Симко полагает, что этот пример указывает на то, как именно темпоральность – «обозначение носителями травмы отношения со временем» (с. 52) – может объяснить разницу в последствиях культурной травматизации. Для этого предлагается обратиться к различению между упомянутыми выше отыгрыванием травмы и ее проработкой, отсылающему к идеям Зигмунда Фрейда, адаптированным историком Доминикой Лакапрой⁴.

Отыгрывание травмы, по сути, «останавливает время» (с. 55). Постоянно воспроизводя травмирующее прошлое, группа не может критически от него отстраниться и поместить в историческую перспективу. Переживание группы считается несопоставимым с другими. В итоге отыгрывание может привести к партикуляризму и социальной закрытости.

«Проработка, напротив, способствует признанию прошлого переживания без стремления к воспроизводству эмоций, как при самом травматическом событии в прошлом» (с. 55). Это позволяет рефлексировать о контексте события, сопоставлять свои переживания с переживаниями других групп и даже чувствовать симпатию к ним, и таким образом способствует моральному универсализму.

Предложенные категории являются идеальными типами, т.е. едва ли встречаются в чистом виде как противоположности. В част-

¹ *Erikson K.T.* Everything in its path : destruction of community in the Buffalo Creek flood. – New York : Simon & Schuster, 1976.

² Cultural trauma and collective identity. Op. cit.

³ *Erikson K.T.* Op. cit.

⁴ *LaCapra D.* Writing history, writing trauma. – Baltimore (MD) : Johns Hopkins univ. press, 2014.

ности, отмечается, что полное «закрытие» прошлого посредством проработки невозможно, это не является «лекарством» (цит. по: с. 55).

Симко рассуждает о возможном объекте анализа для исследователя культурной травмы и отмечает, что распространенный источник данных для этого – репрезентации в массмедиа. Однако она предлагает обратить внимание также и на «места памяти»¹, по двум причинам. «Во-первых, коллективная память представляет собой нечто вроде лакмусовой бумажки для культурной травмы»: одна из основных черт последней – продолжительность, актуальность в долгосрочной перспективе², а «существование, содержание и важность мест памяти прямо свидетельствуют о продолжительности влияния событий прошлого» (с. 55). «Во-вторых, за последние десятилетия места памяти стали одним из самых важных средств обеспечения признания жертв – через них происходит выражение сочувствия и чувства идентификации с жертвами, которые являются отличительными чертами коллективной травмы» (с. 56). Также отмечается, что «значимость мест памяти связана с современным “бумом памяти”»³.

Актуальность именно мемориалов как объекта исследования объясняется их нынешней востребованностью как мест памяти. Если раньше популярны были памятники, статуи, отсылающие к нации, патриотизму, величию и пр., то в свете различного рода масштабных смертоносных событий XX в. на смену им приходят мемориалы, связанные с пережитым страданием⁴.

Мемориальные музеи, в свою очередь, «сочетают в себе сразу и архивные задачи исторического музея, и коммеморативную функцию мемориала» (с. 56). Мемориалы и музеи могут в итоге влиять на то, как мы определяем то или иное событие, а также на

¹ *Nora P.* Between memory and history : les lieux de mémoire // Representations. – 1989. – Vol. 26. – P. 7–24; *Winter J.* Sites of memory, sites of mourning : the great war in European cultural history. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1995.

² *Eyerman R.* The cultural sociology of political assassination. – New York : Palgrave Macmillan, 2011. – P. 13.

³ *Winter J.* Notes on the memory boom // Memory, trauma and world politics / ed. by D. Bell. – New York : Palgrave Macmillan. – 2006. – P. 54–73.

⁴ *Winter J.* Sites of memory, sites of mourning. Op. cit.

то, как данное событие «влияет на другие социальные и политические процессы»¹ (цит. по: с. 57).

Симко предлагает рассмотреть три места памяти в США, включающие мемориалы и мемориальные музеи, с точки зрения темпоральности, таким образом анализируя «коллективное отношение к прошлому и будущему» (с. 57). Все три места связаны с терроризмом, который в современных Соединенных Штатах воспринимается как «абсолютная форма жертвенности» (с. 56). Симко предлагает описание анализируемых мест памяти, а также рассматривает соответствующие процессу их реализации контекст и дискурс.

Мемориализация теракта 1995 г. в Оклахома-Сити, организованная на месте происшествия, – явное свидетельство поворота в американской мемориальной культуре: если раньше места гибели людей, будучи свидетельством совершенного насилия, уничтожались, то начиная с 1960–1970-х годов они приобретают характер сакральных. Случай Оклахома-Сити также позволяет зафиксировать «новую сосредоточенность на жертвенности» (с. 57). При принятии решения о том, каким образом организовать мемориал, большое значение имел голос близких погибших и выживших; считалось необходимым передать переживание опыта теракта. В итоге мемориал создает «интенсивный фокус на моменте взрыва» (с. 61). На арках-воротах запечатлено время за минуту до и после взрыва – фактически зафиксирована «остановка времени» (с. 58). Между воротами размещены пустые стулья, символизирующие жертв теракта. Музейная экспозиция различными способами воспроизводит случившееся: демонстрируются фото и артефакты с места происшествия, записи новостей непосредственно после события; рассказываются истории людей, оказавшихся в здании в момент теракта; на часах остановлено время; и пр.

Мемориализация теракта в Оклахома-Сити, сфокусированная на моменте взрыва, на его жертвах, проигрывающая этот момент и опыт снова и снова и заставляющая переживать это посетителей, по сути, признает переживание события в качестве единственного способа осмыслить произошедшее; аффект и опыт определяют знание о событии. Другие способы понимания собы-

¹ *Wagner-Pacifici R. What is an event? – Chicago (IL) : Univ. of Chicago press, 2017. – P. 26, 109.*

тия исключены: например, контекст события, исторические и политические вопросы терроризма, мотивация преступников, которые вообще представлены «другими» (с. 61). Терракт, таким образом, отыгрывается, останавливая время и препятствуя «способности смотреть в будущее» (там же), а также способствует партикуляризму и закрытости.

Национальный мемориал и музей 11 сентября, посвященные мемориализации теракта 11 сентября 2001 г. в США, представляют собой еще один пример отыгрывания. Здесь опять же можно говорить о заикленности на прошлом. То, как событие войдет в историю – «9/11», – уже показательно: время важнее места; произошедшее представляет «сильный разрыв времени» (там же). На территории мемориала на месте разрушенных башен располагаются два углубления, окруженные водой. Предполагается, что ощущение пустоты, которое они вызывают, символизирует «общую рану, которую невозможно залечить»¹ (цит. по: с. 63).

Мемориализация теракта также концентрируется на переживании произошедшего. При планировании мемориала и музея большое значение отводилось опыту близких погибших, а сама музейная экспозиция позволяет посетителям пережить 11 сентября 2001 г., для чего в ней представлены тематические артефакты и медиаматериалы. После этих инсталляций предлагается историческая справка, сконцентрированная на достаточно небольшом промежутке времени, непосредственно приближенном к событию.

Терракт 11 сентября, как и ранее рассмотренный теракт в Оклахома-Сити, представляется как уникальное событие, что способствует партикуляризму. В процессе создания мемориала и музея сознательно были отвергнуты попытки сопоставления события с другими случаями насилия в истории. Вопросам о более широком контексте события, в частности о мотивации преступников, не уделяется особого внимания. Понимание события в этом случае также сопряжено с переживанием аффекта: отвергается сама возможность объяснить произошедшее, но его можно и нужно почувствовать. Наконец, то, как событие подается, что «порой вызывает чувство его разворачивания здесь и сейчас, <...> едва ли способствует ориентации на будущее» (с. 66).

¹ *Young J.E.* The stages of memory : reflections on memorial art, loss and the spaces between. – Amherst (MA) : Univ. of Massachusetts press, 2016.

Далее Симко рассматривает два тематически связанных места памяти – Национальный мемориал мира и справедливости и Музей наследия, – посвященные линчеванию по причине расовой ненависти в Америке и представляющие собой пример проработки травмы. Автор отмечает специфичность мемориала и музея, так как они выбиваются из привычной стратегии репрезентации истории темнокожих, когда «избегают углубления в прошлые травмы» (с. 72). Этот новаторский подход привлекает общественное внимание.

И мемориал, и музей предлагают большой объем информации для ознакомления посетителей с историческим и политическим контекстом «расового террора» (с. 67); в частности, музей, в отличие от случаев, рассмотренных выше, дает гораздо больше информации, не фокусируясь только на линчевании. А организация, курирующая мемориал и музей, включает в свой нарратив различные проявления расового насилия вплоть до наших дней. В обоих местах также есть место аффекту. Так, мемориал содержит скульптуры, запечатлевающие боль жертв террора, монументы, свисающие с потолка как тела повешенных, среди которых посетители ощущают «осуждение со стороны мертвых» (цит. по: с. 68). И в мемориале, и в музее представлены личные истории жертв.

Однако в данном случае как информация, так и аффект, хотя они и могут актуализировать прошлое в настоящем, таким образом приводя к отыгрыванию, направлены и на его проработку. Прошлое здесь рассматривается в исторической перспективе и, более того, открыто ставится вопрос о будущем. Так, в мемориале располагаются монументы с именами жертв из различных регионов, и предполагается, что однажды они могут быть установлены в соответствующем месте – таким образом регионам представляется разобраться с прошлым. Музей предлагает различные возможности для участия в тематических проектах, посвященных современному состоянию расового вопроса.

Здесь же можно наблюдать тенденции к универсализму. Так, курирующая музей и мемориал организация включает белых людей в число жертв, хоть и в несколько другом смысле: они тоже «обременены» неприятным прошлым своей страны (с. 72), и линчевание, таким образом, представляется как «национальная трав-

ма» (с. 56). Также в музее проводятся аналогии с другими подобными событиями.

Таким образом, в проведенном Симко анализе не просто сравниваются выбранные места памяти и процесс их возникновения, но в первую очередь показываются два «подхода к конструированию и репрезентации культурной травмы – отыгрывание и проработка», что позволяет «теоретизировать их влияние на ход событий в настоящем» (с. 73), а также – на возможность ориентироваться на будущее. Отыгрывание проявляется в концентрации на самом травматичном событии, его особенностях в сравнении с другими, проживании прошлого как настоящего, в то время как проработка позволяет рефлексировать относительно события, помещать его в исторический контекст, проводить аналогии с другими событиями. Автор указывает, в частности, на то, что именно «внимание к процессу мемориализации, а не только к его результату» позволяет заметить особенности, возможности и ограничения коллективных репрезентаций: состоявшаяся мемориализация – «итог процесса, который мог бы развернуться иначе» (с. 72).

*Т.Е. Даутова**

* © Даутова Т.Е., реферат, 2022

Даутова Татьяна Евгеньевна – студентка факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: te.dautova@gmail.com